ЦИФРОВЫЕ ПРАВА, КАК НОВЫЙ ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

DIGITAL RIGHTS AS A NEW OBJECT OF CIVIL RIGHTS

УДК 347

Ханова Валерия Александровна, Волгоградский государственный университет, магистратура, 1 курс, город Волгоград

Valeriya Khanova A., Leralovecat@mail.ru

Аннотация

Данная статья посвящена рассмотрению одной из проблем, в современном мире, связанная с технологическим прогрессом, экономической целесообразностью, что несет в себе огромные риски по ущемлению прав граждан, при реализации цифровых прав. В исследовании затронуты вопросы гражданско-правового регулирования в обязательственном праве. Автор анализирует, какое правовое положение в российском законодательстве занимает объект гражданских прав. Так, для одной группы лиц, действовавших добросовестно, могут быть нарушены права и законные интересы, другая же группа, в ходе информационного обмена с использованием различных технических устройств, может совершать различные сделки, не добросовестно, и по закону такие действия не будут преследоваться по закону, в силу отсутствия судебной практики.

Annotation

This article is devoted to the consideration of one of the problems in the modern world, related to technological progress, economic feasibility, which carries huge risks of infringement of the rights of citizens in the implementation of digital

rights. The study addresses issues of civil law regulation in the law of obligations. The author analyzes the legal status of the object of civil rights in Russian legislation. Thus, for one group of persons who acted in good faith, rights and legitimate interests may be violated, while another group, in the course of information exchange using various technical devices, may make various transactions, not in good faith, and such actions will not be prosecuted by law, due to the lack of judicial practice.

Keywords: digital rights, information system, object of civil rights.

Ключевые слова: цифровые права, информационная система, объект гражданских прав.

Цифровая революция и обусловленное ею дальнейшее развитие информационных технологий привели к значительным изменениям в жизни общества. В рамках формируемого в XXI веке информационного общества общесоциальную значимость приобретает необходимость защиты специфической категории прав, а именно, цифровых прав, занимающих, на сегодняшний день особое место в российской правовой системе.

На данный момент можно говорить о начале четвертой промышленной революции в большинстве государств мира, так называемой Индустрии 4.0, которая представляет собой эпоху слияния всех достижений технологического прогресса в единые киберфизические системы, объединяющие в себе различные сферы общественной жизни, средства производства, сферу обслуживания человеческих потребностей.

Четвертая промышленная революция породит за собой смену парадигм в обществе, цифровизацию промышленности, финансов, окажет значительное влияние на права человека и взаимодействие человека с обществом, процессы поиска, получения, передачи, производства и распространения информации.

Созданная в рамках промышленной революции система будет являться важнейшим инструментом управления социумом.

Обусловленная технологическим прогрессом, экономической целесообразностью и привлекательностью повышения качества жизни четвертая промышленная революция несет в себе огромные риски.

В современном мире технологии предлагают нам огромный простор для расширения человеческих возможностей. Появление и развитие информационно телекоммуникационной сети «Интернет» предоставило людям возможность реализации цифровых прав в ходе информационного обмена в режиме реального времени с использованием различных технических устройств. Технологический прогресс в данном случае оказывает как положительное влияние на доступность реализации цифровых прав, так и увеличивает риски ущемления прав граждан, приводит к негативным последствиям, к примеру, в виде доступа несовершеннолетних к просмотру запрещенной для их возраста информации, упрощению процессов распространения недостоверной информации, пропагандирования населения, вербовке людей в экстремистские организации.

Существует риск того, что инструменты, технологии четвертой промышленной революции приведут к появлению новых способов слежки за людьми, увеличению средств контроля за жизнью каждого человека, что противоречит концепции открытого общества и нарушает целый спектр прав и свобод, главным образом право человека на неприкосновенность частной жизни.

В последнее время термин «цифровые права» в контексте цифрового общества и цифровой экономики используется довольно часто, можно сказать, что это тенденция нашего времени. Однако в содержании этой концепции нет единства. Таким образом, одним из распространенных толкований категории «цифровые права» является их понимание как вид прав человека, который состоит из права людей создавать и использовать цифровые произведения, доступ компьютеры и сети связи и др. Цифровые права также понимаются как универсальные права человека, адаптированные к условиям информационного общества, в частности, право на неприкосновенность

частной жизни, право на обмен информацией, право на свободу выражение в сети, право доступа к электронной сети. Фактически, понятия «права на общение» или «права на информацию» используются как синонимы для термина «цифровые права», но между ними нет четкого различия.

Однако, следует отметить, что в рамках настоящей статьи цифровые права будут пониматься нами как узко-специальная гражданско-правовая категория. Данное замечание позволит избежать потенциальной терминологической путаницы.

Право как регулятор общественных отношений должно объективно идти в ногу с развитием этих отношений, реагировать на новые возникающие отношения и изменяющиеся традиционные отношения. Серьезным вызовом для законодателя в этом отношении являются современные цифровые технологии, которые с конца двадцатого века молниеносно меняют все современное общество. Экономика, которая претерпела значительные изменения с момента появления Всемирной паутины, не является исключением. Электронная коммерция, электронная торговля, платежи через Интернет уже прочно вошли в нашу жизнь. Появление криптовалют, затем токенов, стало новым фактором, который с каждым годом все больше влияет на экономические отношения.

В последние годы, когда многие страны активно регулировали рынок криптовалют и ICO (США, Швейцария, Япония, Беларусь и т. д.) В соответствии с национальным законодательством, российское государство оставалось в стороне от данного процесса, кроме того, оно продемонстрировал свое негативное отношение к анализируемым экономическим явлениям. Однако с каждым годом становилось все более очевидным, что такая политика приведет лишь к увеличению отставания Российской Федерации по сравнению с другими государствами. В результате лидеры страны, тем не менее, обрели определенное понимание необходимости развития, в частности посредством адекватного правового регулирования того, что обычно называют «цифровой экономикой» (Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203

«О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы»; Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы "Цифровая экономика Российской Федерации"» и др.). При применении этих программных документов также были внесены изменения в гражданское право, в результате чего перечень объектов гражданских прав, предусмотренных в 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее также – ГК РФ), был расширен за счет включения так называемых цифровых прав.

В соответствии со статьей 141.1 ГК РФ, цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу.

Надо отметить, что в первоначальной редакции законопроекта определение цифровых прав отличалась довольно существенно. Согласно ч. 1 ст. 141.1 ГК РФ проекта федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации», внесенного в Государственную Думу, «в случаях, предусмотренных законом, права на объекты гражданских прав, за исключением нематериальных благ, могут быть удостоверены совокупностью электронных данных (цифровым кодом или обозначением), существующей в информационной системе, отвечающей установленным законом признакам децентрализованной информационной системы, при условии, что информационные технологии и технические средства этой информационной системы обеспечивают лицу, имеющему уникальный доступ к этому цифровому коду или обозначению, возможность в любой момент

ознакомиться с описанием соответствующего объекта гражданских прав. Указанные цифровой код или обозначение признаются цифровым правом».

Здесь важно то, что в конечном итоге законодатель отказался связывать цифровые права исключительно с децентрализованными информационными системами (децентрализованными регистрами). Такое узкое понимание цифровых прав, которое, следовательно, могло быть отнесено только к правам, зарегистрированным в реестрах, поддерживаемых с помощью технологий блокчейна, с самого начала подвергалось резкой критике.К примеру, в Экспертном заключении по проекту Федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» отмечалось, что проект необоснованно ограничивает концепцию цифрового права, связывая его существование только с распределенным реестром. Права в электронном виде могут необязательно существовать только в блокчейне. Более того, они уже существуют в этой форме и активно внедряются миллионами людей. Это легко проверить, связавшись с балансом на вашей учетной записи мобильного телефона. Подход, принятый проектом, нарушает принцип технологической нейтральности, дискриминируя все другие технологии, способные регистрировать права в электронном виде.

Отчасти эта позиция может быть воспринята как положительная. Действительно, технология блокчейна, как и любая технология, очевидно, имеет срок службы. Возможно, он будет существовать и будет активно использоваться в течение десятилетий, даже столетий, а может быть, только в течение нескольких лет, и его заменит более совершенная модель. И, конечно же, в таком фундаментальном документе, как Гражданский кодекс Российской Федерации, в частности в его основных положениях, методологически не слишком правильно использовать конструкции, которые могут устареть за относительно короткое время.

Однако что мы получили в результате? Определение цифровых прав содержится в ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации,

потенциально настолько обширное, что в него могут быть включены практически все права, записанные в цифровой форме. Например, в вышеупомянутом экспертном заключении это совершенно верно в отношении баланса мобильного телефона. Однако также можно рассматривать баллы, набранные клиентом банка и записанные в информационной системе этого банка (например, бонусы «Спасибо» от Сбербанка), в качестве цифровых прав.

При желании цифровые бонусы также могут называться различными бонусами, которые может требовать участник компьютерных сетевых игр. Можно привести и другие примеры, и очевидно, что с развитием цифровых технологий и их растущим вторжением в нашу жизнь число этих примеров будет только увеличиваться.

В принципе, само по себе на концептуальном уровне все это может быть и не так уж и плохо. Эти объекты, как и многие другие ценности в виртуальном мире, давно нуждаются в детальном регулировании.

В то же время, даже оставляя в стороне терминологию, мы задаем себе еще один вопрос: цифровые права вообще являются правами в полном смысле этого слова и тем более новыми объектами гражданских прав?

Чтобы ответить на него, нужно обратиться к сути так называемых криптоактивов. Конечно, в этой области нет единых точных определений, однако некоторые позиции все еще можно признать устоявшимися в практике и науке.

Под цифровыми правами законодатель понимает обязательственные и иные права на различные виды цифровых активов. Речь идет об узкоспециализированном, цивилистическом определении.

Представляется, что для них свойственны следующие особенности:

1) Реализуются в информационном обществе. В данном случае следует уточнить хронологические рамки. Информационным является общество XXI века. На Всемирном саммите ООН в декабре 2003 года в Женеве и в июне 2005 года в Тунисе в качестве одной из главных задач XXI века регламентировалась необходимость построения информационного общества.

2) Преимущественным инструментом реализации является сеть «Интернет».

3) Для технологического прогресса применительно к данному комплексу прав свойственен двойственный характер, с одной стороны он упрощает реализацию информационных прав и свобод, с другой создает новые риски их нарушения и ущемления как со стороны государства, так и со стороны частных компаний.

Цифровая валюта (криптовалюта) являются альтернативной формой денег, распространяемых, хранящихся и создаваемых в сети, но без физической, телесной формы. Она также может быть определен как тип цифрового финансового актива, создаваемого и учитываемого в распределенном цифровом реестре транзакций участниками этого регистра в соответствии с правилами ведения реестра цифровых транзакций.

Токен - это единица счета в криптовалютах или уникальный символ в системе блокчейна. Сегодня специалисты выделяют три основных типа цифровых токенов: 1) токены приложений; 2) кредитные токены; 3) биржевые токены (токены-акции). С технологической точки зрения токен является одним из миниатюрных блоков системы блокчейнов, который можно использовать для защиты различных прав в этой системе.

Таким образом, криптовалюты и токены, по сути, служат средством установления платы или даже претензий за определенные преимущества в конкретном децентрализованном реестре. Например, токен может дать право получать определенные товары, произведенные в рамках реализации проекта ICO, или получать выгоды от этого проекта. С этой точки зрения, он не очень отличается от несертифицированного титула. Фактически, начало и быстрое развитие ICO сами по себе являются, в некоторой степени, следствием довольно сложной процедуры проведения IPO.

Любая криптовалюта предлагает еще меньше прав. Владелец токена имеет как минимум право требовать что-то от обязанных лиц - организаторов ICO. Криптовалюта не предоставляет такие права, никто не обязан в

отношении нее, никто не должен принимать это как средство платежа. Фактически, это, следовательно, не валюта в классическом смысле, а функция продукта, который может иметь больший или меньший спрос (отчасти из-за этой криптовалюты и такой высокой волатильности).

В любом случае, по нашему мнению, криптовалюты и токены не являются принципиально новыми объектами с точки зрения регулирования гражданского права (действительно, сложно рассмотреть блок в реестре децентрализованный блокчейн как новый юридический объект, то есть, по сути, просто строка символов). И права, которые они предлагают, принципиально не отличаются от других прав, которые хорошо известны законодателям, в том числе и российским. Эта особенность проявляется только в способах фиксации этих прав, которые действительно очень специфичны в отношении использования распределенных реестров.

Абсолютно точно было сказано в официальном отзыве Правительства РФ на проект федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации»: «Исходя из определения понятия цифровых прав, представляется, что такие права фактически являются способом оформления традиционных имущественных прав разной природы (вещные права, обязательственные права, корпоративные права, исключительные права), а также их фиксации и перехода от одного владельца к другому. Однако данные права могут существовать в электронной форме, не создавая при этом новый вид объектов гражданских прав». В этом отношении криптовалюта и токен в основном ничем не отличаются от ксюмбаллона, известного человечеству на протяжении тысячелетий (объект с условными знаками, по которым два человека узнают друг друга, например, по двум половинкам щепы или разломанная монетка, концы которой должны сходиться).

Современное динамичное развитие общественных отношений, сопровождаемое техническим прогрессом, приводит к колоссальным изменениям человеческой жизни.

Развитие информационных технологий в эпоху глобализации, которое вызвало структурные изменения в мировой экономике и породило новые типы социальных отношений, привело к появлению криптовалюты (от греч. κρυφή - «скрытый») - относительно новый и перспективный цифровой актив, обладающий рядом исключительных свойств, которые особенно востребованы при быстром изменении режима обращения товарных денег. В условиях финансово-экономических кризисов, приводящих к падению уровня доверия населения к банкам и государственным валютам, криптовалюта (существует как минимум тысяча ее типов, наиболее известными из которых являются Bitcoin, Ethereum, Litecoin, Dash, Ripple, Waves и т. l.) как альтернативные способы оплаты, обмена и накопления стала объектом большого интереса со стороны граждан, бизнеса и государства, что предопределяет актуальность исследования рассматриваемого явления.

Из-за новизны для законодателя общественные отношения, возникающие в условиях обращения криптовалют, все еще находятся за пределами правового поля в большинстве стран мира (многие международные регуляторы занимают выжидательную позицию, отслеживают развитие индустрии криптовалюты и осуществляют проверку ее жизнеспособности). Напротив, в меньшей части (в основном развитых) государств криптовалюта имеет юридически установленный статус.

Официальная позиция российского государства в отношении криптовалюты первоначально была крайне негативной, как уже было сказано выше, что естественно - процесс выдачи цифрового актива физическими лицами без одобрения Центробанка России, а также его оборот, осуществляемый в тени, не только посягает на государственную монополию в области эмиссии денег, но и не контролируется властями. Одним из первых было сообщение Центрального банка России от 27 января 2014 г., в котором основной регулятор предупреждал граждан и юридических лиц против использования криптовалюты в транзакциях, отмечая, что при их реализации существует реальная возможность использования криптовалюты для

отмывание незаконных доходов и финансирования терроризма, что может рассматриваться как потенциальное значение для осуществления подозрительных операций и, следовательно, – преследоваться по закону.

1 октября 2019 г. вступил в силу Федеральный закон «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (так называемый Закон о цифровых правах), согласного которому ст. 128 части первой ГК РФ, определяющей объекты гражданских прав, уточнена: «К объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага».

Представляется, что можно поставить вопрос о квалификации криптовалюты в качестве бестелесного имущества. Эта категория, в соответствии с законом, включает безналичные денежные средства (которые, по сути, являются правами требования), несертифицированные ценные бумаги (которые являются специальным средством фиксации прав) и цифровые права (к которым на данный момент относить что-либо спорно, т. к. правила информационной системы в настоящее время не разработаны).

В свое время главный орган конституционного контроля в Российской Федерации – Конституционный Суд РФ, занимался толкованием статьи 128 ГК РФ. Им было подчеркнуто, что природа вещей и иного имущества (к которому, в том числе относятся безналичные денежные средства) различны. Различия в правовой природе обусловили различия в правовом регулировании гражданского оборота этих категорий объектов гражданских прав.

Поскольку очевидно, что указанный Конституционным Судом правовой режим распространяется на бездокументарные ценные бумаги, следует предположить, что он может быть экстраполирован и на криптовалюту.

Тезис о том, что криптовалюта может рассматриваться как иной объект права, может быть подтвержден ссылкой на немецкую доктрину, которая признает криптовалюту как «некодифицированный объект права». Такая терминология может быть применена к криптовалюте, потому что она обладает таким признаком, как имущественная ценность, фактически она может быть предметом относительных правовых отношений, и лицо, владеющее криптовалютой, может осуществлять над ней власть, пользоваться ею, распоряжаться, то есть фактически осуществлять различного рода сделки. Немецкая доктрина признает, что на криптовалюту может быть обращено взыскание и, в некоторых случаях, установленных законом, криптовалюта может быть объектом деликтной ответственности.

Таким образом, по нашему мнению, введение в законодательство понятия «цифровые права», в принципе, не совсем точно с терминологической точки зрения и их квалификации как особых объектов гражданских прав в принципе неверно. Конечно, цифровые права можно считать юридической фикцией. Однако использование юридической фикции в законодательстве должно преследовать определенную цель, способствовать достижению определенного результата. В рассматриваемом случае этот результат, по-видимому, является расширением режима прав собственности на криптовалюты и токены. Однако, кажется, что нет объективной необходимости создавать такую сложную структуру - для целей регулирования экономического оборота было бы достаточно признать, что права собственности могут быть зафиксированы в цифровой форме, в том числе путем внесения записей в децентрализованные реестры. Консолидация таких положений в гражданском праве уже позволит распространить на криптографические активы все гражданские инструменты, необходимые для их использования и защиты.

В заключение следует также отметить, что в правовом регулировании всех общественных отношений важная роль отводится механизмам и гарантиям восстановления нарушенных прав и законных интересов, в рамках

которых регулирование криптовалюты неразрывно связано с институтом гражданской ответственности. Криптовалюта сочетает в себе характеристики многих гражданских прав, но в полной мере не соответствует ни одному из них. Отнесение криптовалюты к другому имуществу возможно в соответствии с действующим законодательством без создания новых объектов гражданских прав со спорами и коллизиями относительно их правового режима.

Список использованных источников

1. Андрюшин С. А. Технология распределенных реестров в финансовой сфере России // Банковское дело.2018. № 2. С. 4-14.
2. Белых В. С., Егорова М. А. Криптовалюта как средство платежа : новые подходы и правовое регулирование // Вестн. Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 2. С. 144.
3. «Информация об использовании при совершении сделок "виртуальных валют", в частности, Биткойн» // Вестник Банка России. - 2014. -№ 11. - С. 5-6.
4. Касаткина В. В. Токен и криптовалюта : их понятие и взаимосвязь в цифровой экономике // Цифровые технологии в экономической сфере : возможности и перспективы : сб. науч. ст.. Тамбов, 2017. С. 22-25.
5. Декларация принципов Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии. Документ WSIS-03/GENEVA/DOC/4-R от 12 декабря 2003 года // [Электронный ресурс]. URL:https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsis.pdf / (Дата обращения23.06.2020)
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019, с изм. от 12.05.2020) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
7. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса

Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 25.03.2019, N 12, ст. 1224

8. Проект Федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 26.03.2018). URL: http://sozd.parlament.gov.ru/
9. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // Собрание законодательства РФ, 15.05.2017, N 20, ст. 2901.
10. Официальный отзыв Правительства РФ на законопроект о регулировании существующих в интернете новых объектов имущественных экономических отношений. 08.06.2018. URL: http://m.government.ru/all/32876/
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.12.2014 № 31-П «По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества "Глория"» // СЗ РФ. 2014. № 51. Ст. 7528.
12. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы "Цифровая экономика Российской Федерации"» // Собрание законодательства РФ, 07.08.2017, N 32, ст. 5138.
13. Экспертное заключение по проекту федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» (принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 17.01.2019 № 183-1/2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

List of sources used

1. Andryushin S. A. Technology of distributed registers in the financial sphere of Russia / / Banking. 2018. no. 2. Pp. 4-14.
2. Belykh V. S., Egorova M. A. Cryptocurrency as a means of payment : new approaches and legal regulation // Vestn. University named after O. E. Kutafin (MSLA). 2019. no. 2. P. 144.
3. " Information about the use of "virtual currencies", in particular, Bitcoin, when making transactions " / / Bulletin of the Bank of Russia. - 2014. - № 11. - P. 5-6.
4. Kasatkina V. V. Token and cryptocurrency : their concept and relationship in the digital economy / / Digital technologies in the economic sphere: opportunities and prospects: SB. nauch. St. Tambov, 2017. Pp. 22-25.
5. Declaration of principles Building the information society-a global challenge in the new Millennium. Document WSIS-03/GENEVA/DOC/4-R dated 12 December 2003 // [Electronic resource]. URL:https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsis.pdf / (date of access23. 06. 2020)
6. The civil code of the Russian Federation (part one) from 30.11.1994 N 51-FZ (as amended on 16.12.2019, Rev. from 12.05.2020) // collected legislation of the Russian Federation, 05.12.1994, N 32, p. 3301.
7. Federal law of 18.03.2019 No. 34-F3 "On introducing amendments to part one, and article 1124 of the second part of the third Civil code of the Russian Federation" // collected legislation of the Russian Federation, 25.03.2019, N. 12, p. 1224
8. Draft Federal law No. 424632-7 "on amendments to parts one, two and four of the Civil code of the Russian Federation" (ed., introduced in the state Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of 26.03.2018). URL: http://sozd.parlament.gov.ru/
9. Decree of the President of the Russian Federation dated 09.05.2017 No. 203 "on The strategy for the development of the information society in the Russian

Federation for 2017-2030" / / Collection of legislation of the Russian Federation, 15.05.2017, N 20, article 2901.

10. Official response of the Government of the Russian Federation to the draft law on regulating new objects of property economic relations existing on the Internet. 08.06.2018. URL: http://m.government.ru/ all/32876/
11. Resolution of the constitutional Court of the Russian Federation of 10.12.2014 no. 31-P " On the case of checking the constitutionality of parts of the sixth and seventh articles 115 of the Criminal procedure code of the Russian Federation in connection with the complaint of the closed joint stock company "Gloria"" // Sz RF. 2014. no. 51. St.7528.
12. Order of the Government of the Russian Federation of 28.07.2017 No. 1632-R "on approval of the program" Digital economy of the Russian Federation" / / Collection of legislation of the Russian Federation, 07.08.2017, N 32, article 5138.
13. Expert opinion on the draft Federal law No. 424632-7 "on amendments to parts one, two and three of the Civil code of the Russian Federation" (adopted at the meeting of the presidential Council for codification and improvement of civil legislation on 17.01.2019 No. 183-1/2019). Access from the Internet.- legal system "ConsultantPlus".